
Алиса Аломель
Страницы блокнота
в переплете из чулок и роз
18+

Алиса Аломель

Страницы блокнота в переплёте из чулок и роз

https://litres.ru/74844249
SelfPub; 2026

Аннотация

Страниц в блокноте немного, и неровный почерк плохо читается.

Ты можешь держать блокнот на столе, или спрятать, или брать иногда в руки — только осторожно: под сетчатой обложкой из чулок — сухие розы с шипами.

Быть может, ты разберёшь эти строки?

Содержание

Серёжки	4
Фортепиано с верхней механикой	6
Розовое концертное платье	8
Авиакатастрофа	22
Ἀνάχρονος	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алиса Аломель
Страницы блокнота в переплёте из чулок и роз

Серёжки

Я тот мальчишка, что купил серёжки на день рождения самой красивой девочки из седьмого класса. Купил и хотел опустить в ржавый почтовый ящик...купил,и в последний день мая долго стоял у желтой стены подъезда, слушая стук своего сердца и ожидая, что она выйдет из квартиры или, чего хуже, увидит меня с серёжками в руках. И в сумерках вернулся домой, сжимая в кулаке ничего не значащий кусочек металла.

А в следующем году она пополнела, как ее мама, и уехала куда-то далеко. Она была все та же Катя, в облачке белых волос невозможной красоты девочка, которая недоуменно ловила мои взгляды в школе.И даже - я помню это очень хорошо-однажды перестала улыбаться и посмотрела на меня серьезно, долго-долго.Наверное, она поняла, что я влюблен в нее безнадёжно, болезненно, как я любил всю жизнь.

Крепка, как смерть, любовь.Не верьте тому, кто повзрослел.

Что же белокурая девочка? Как долго она не могла найти себя. Писала иконы в далекой стране, хотела в монастырь, а потом вышла замуж, родила детей.Все это уже так далеко, как звёзды от Земли.

Может, мы и есть звёзды? Потерявшиеся навсегда.

Как найти нам друг друга? Как мы находим таких же, как мы?

Так и держу я много лет в руке тот маленький кусочек металла.

Я так и не подарил их... никому.

Фортепиано с верхней механикой

Однажды знакомый врач-алкаш, Лёша-Нью-Йорк, принёс мне патефон с пластинками и Библию в кожаном переплёте. Где-то раздобыл и подарил мне.

Когда ты приехала в мае, мы танцевали под патефонную пластинку mambo itallano, пили вино и любили друг друга на старом диване. Я играл тебе на расстроенном французском фортепиано.

Как ты узнала меня? На улице, у Покровского собора, просто схватила за руку и посмотрела так, как тогда. Снизу вверх… О, эти оливковые глаза. Что же… Мой день закончился здесь.

Веди меня в свой дом за руку. Там пианино, высокие потолки, тишина и стук часов. Прибежит маленькая собачка, бряцая коготками по полу. Ты нальёшь тёплое каберне… И потом будешь долго смотреть на меня, разглядывать бесстрастно, улыбаясь одними глазами. Рассматривать, как любимые серьги. Как камень в кольце, легко поворачивая на свету, любуясь бликами.

Да, так было и в детстве — ты считала меня своей любимой игрушкой.

— Сыграй мне!

— Сначала ты…

Легко поднялась, придвинула банкетку. Шопен, вальс…

Любимая со школы вещь.

Почему девочки играют Шопена?

Потому что они… это как любить, но на фортепиано. Разве ты не знал?

Когда дека затихла, ты встала и подошла ко мне. Прижала мою голову к себе. Гладила по волосам.

Поздно ночью я болтался на сиденье старого автобуса. Всё дальше от дома с высокими окнами.

Мы обменялись номерами. Но ты не позвонишь.

И я не позвоню.

Библия в кожаном переплёте у меня на полке. Патефон с пластинками подарил другу. Пианино уехало в театр, как реквизит.

Врач-афганец умер от пьянки.

Розовое концертное платье

Кто не знает, во что превращаются классы музучилища по вечерам.

Завуч? Директор? Преподаватели?

Знают.Они чай дома пьют давно.

Вахтёрша?Отгородившись газетой от всего, с кошкой на коленях. Если вдруг землетрясение, она встанет. Может быть.

Звучит музыка, музыка, музыка. Отличные двери, неподъёмные, семь сантиметров плотной-плотной ваты, закрывающиеся на ключ изнутри.

Подвал — ад. Духовики.

Первый этаж — хоровики, пианисты. Чистилище.

Второй — народники. Ну, такое. Другое отделение ада.

Третий — струнники. Рай. Одни девчонки.

Культурное заведение воет, ревёт, стучит на все голоса. На каждом углу скрипач, баянист и кто угодно.

Ты любила каберне. Я любил тебя.

Два огромных рояля, первый этаж, шторы на окнах.Махровая жёлтая простыня с общежития, два бокала.Ты была стыдлива. Первые два дня, пока у нас вообще ничего не получалось.

Конечно, Н. мог проверить по записям, кто брал ключ, ес-

ли с утра в классе пахло вином. Ты периодически умудрялась опрокинуть бокал, а один раз с рояля упала бутылка — и вдребезги. Жёлтая простыня с красными пятнами каберне, с вкраплениями зелёного стекла не поместилась в маленькое сетчатое пластмассовое ведро в туалете, и вся инсталляция легла на пол, отпечатавшись красными пятнами на плитке. Скандал был жуткий, и было разбирательство: кто же, ах кто же, ну кто же такое натворил.

Но Н. только посмеивался в усы, когда мы шли по коридору навстречу. Кажется, он был с нами в сговоре.Ещё бы — ты блистала на каждом концерте, а в классе у него была отдельная полочка — твоя. Статуэтки, дипломы, золото, и везде твоё имя. У меня наград было не меньше, но — он же мужик — твоими успехами он гордился, как победами родной дочки.

Любую чертовщину, которую мы устраивали в классе, он предпочитал не замечать. И даже не говорил с нами на эту тему, никогда. До третьего курса, когда ты превзошла сама себя. Во всех смыслах.

На сцене... на сцене ты-абсолютная сосредоточенность. Невероятная.Ты можешь прожить десять минут за роялем так, что это похоже на сжатые в секунды годы . Да, ты могла так. Никто не мог — а ты могла. Поэтому Н. прощал тебе что угодно.

А что угодно — это такое же абсолютное разгильдяйство (здесь другое слово) в обычной жизни.С тобой не скуч-

но.Дурдом всегда рядом. Двери широко открыты, кудряшки развеваются на ветру.Девчонка, которую надо было подхватывать, удерживать, останавливать на каждом шагу, беречь, лелеять.Следить за тобой неотступно, как за маленьким ребёнком, чтобы ты чего не натворила.

Я провожал тебя на вокзале на электричку раз в неделю, ты ездила домой в село со смешным цветочным названием на татарский лад. И встречал в воскресенье с полными сумками, отвозил на квартиру, где ты жила с девчонками.

Однажды, по пути к поезду, ты вдруг сделала что-то не так, как обычно.

Мы подошли к подземному переходу, ты повернулась ко мне, руки легко обвились вокруг шеи, поцеловала в губы и сказала тихо:

— Дальше я сама.

…

— …Пока, птичка. До встречи.

Через платформы не видно. Хотел увидеть белые кроссовки и ножки в чёрных чулках.

Мимо прошагали призывники. Забритые, с баулами; позади шли два офицера, отпуская матерные шуточки в адрес ребят.

Я постоял и пошёл к троллейбусу.

В воскресенье встретил с электрички, отвёз на квартиру.

С утра ты молчалива.

— Что-то случилось?

— Да нет, всё хорошо. Устала просто.

Смотрела в окно, потом на меня.

— Конкурсы, конкурсы эти… Это всегда так будет?

Неделя за неделей. Третий курс. Зимняя сессия.

Мы всё так же чудили, с одним «но» — ты почти не пила.Я знал: сыворотка правды для тебя называется «сухое».Тебе нельзя пить с чужими.И вообще нельзя пить. Только со мной. Капельку.

Мы блестяще отыграли конкурс.

Гран-при у тебя, у меня — диплом первой степени, и Н. светился от счастья на гала-концерте.

Он заслужил. Наверное, его родным детям не доставалось столько любви и заботы, сколько досталось нам.

Училище в субботу пустое. Внизу что-то гудит валторнист, эхо на лестнице. Сессия почти закончилась, за окном снег, и до Нового года неделя.

Ты в белой блузке играешь Шопена.Я смешно копирую Н., комментирую твою игру замечаниями в его стиле, только нецензурно.

Ты хохочешь до слёз, останавливаешься, продолжаешь, снова хохочешь, а после комментария насчёт того, что двойственность женской природы в верхней части тела не даёт тебе завершить вальс на тонике, без сил картинно падаешь на банкетку, икая от смеха.

— Они что-ли… мешали Шо-пе-ну… всю жиии-и-знь… кончить?! Заливаясь смехом, подаёшься ко мне, в мои руки,

я целую тебя.

Слышал бы Н. как ты умеешь произносить самые пошлые вещи самым невинным тоном.Ты была такой... шалила, делала больно, потом жалела.«Нечаянно, я не хотела» — это твоё.

Я закрыл класс, и мы пошли по длинному коридору.

Окна в изморози, белый свет от снега и солнца. До улочки, где нам продавали вино, два квартала. Сегодня можно.Снег кружился, снежинки ложились белым пухом на твои волосы, на брови, на щёки; я останавливался и снимал их губами.

— Ещё!

Смеёшься. Пару раз шлёпнувшись, добрели до точки. Продавщица Валя с невозмутимым видом вручила вино и мороженое.

— Идём на лесенку?

— Ты с ума сошла? Она скользкая.

— Ну пойде-е-ем!

Мы вышли к воротам зоопарка в центре и перешли дорогу.Это старый город, здесь выходила гряда скал.Зимой они возвышались над улицей серой туманной громадой.Наверх вела выдолбленная в скале лесенка с бортиком по пояс.Четыре пролёта, площадка.

Откупорили бутылку и пили с горлышка терпкую сладкую жижу рубинового цвета, мешая во рту с мороженым. Внизу шуршали шинами машины по улочке. Твой рецепт.

На холоде градус почти не чувствовался, поначалу.

Ты раскраснелась, обняла меня и шептала взволнованно на ухо свои истории, смеялась, целовала меня.

У тебя есть какой-то Серёжа.

Что-то новое.

— Ка-ак интересно, ну-ка, продолжайте.

— Серёжа кто? Серёжа друг?

Я должен тебя дико ревновать, а если не так, то я тебя не люблю.

— Та-ак, понятна. Логика повествования.Да-да-да, продолжайте, с этого места подробнее.

Смеёшься, шепчешь горячо на ухо про поезда, вокзал. Серёжа служит, какой-то прапорщик…

Я включился, слушаю интонацию. Тебя легко читать, птичка.…Играешь. Назло. Учебная тревога. Много смеёшься, переигрываешь.

Ты просто пьяна, малышка… уморительно пьяна…

Что ты скоро уедешь с ним в Красноярск.

Тут я начал хохотать в голос. Довела.

— В Красноя-а-арск? Это Сибирь! Там минус семьдесят, ты будешь ледяная Алинка. Памятник на вокзале. Обнажённый бюст пианистки.

Ты потянула меня вниз, мы начали спускаться, и на скользких полуботинках ты улетела со ступенек, смеясь и цепляясь за рукав моей куртки. И я вместе с тобой.

— Подожди, подожди! А почему прапорщик Серёга, почему не полковник Сергей Иванович,на хрена тебе прапор,

а?

Чуть-чуть с издёвкой.Смеюсь.

Ты сверху.Поцелуй в ответ. Долгий.

— Я тебя люблю… Тебя.

Ещё пролёт — и мы снова едем на спине.Перехватываю твою руку и сам падаю на ступеньки, победно удерживая стекло в вытянутой руке.Внизу, за последним пролётом, я целовал тебя в губы, твои белые кудряшки разметались по снегу.Мимо проезжали машины в снежной кутерьме.Каберне расплылось на снегу рубиновым кружком.

— А у меня Дашка есть.Пока ты на парах,мы с ней на рояле играем.Классика исключительно.

— Да-а-шка-а?.. Да-ашка-а, го-во-ришь?

— Ах ты своло-о-олочь, га-а-ад… Ненавижу!

Прижала мне ухо зубами.

— Ай, больно, отпусти!

— Ну и куда, опять в учло?

— Идём скорее, я замерзла!

Вечер, темно в классе. Ты уснула на кресле Н., я играл ХТК, прицепив лампу-переноску к пюпитру.В дверь стучат. Быстро открыл — на пороге вахтёрша.

— Вам не пора домой, молодые люди?

— А мы бездомные, Нина Васильевна. Бомжики… Сейчас бежим.

Ты приоткрыла глаза, я собрал ноты и вышел в коридор.

— Идём?

— Сейчас, подожди.

— Ну что там?

— Иду-иду.

Взяли такси, я отвёл тебя сонную на квартиру, вручил девчонкам и поехал домой.

После каникул Н. позвал нас к себе.Смешно растягивая слова ,попытался сказать с металлом в голосе.

— Это..это слишком. Это слишком,я вам говорю!

Вышло так себе.

Ты прыснула и покраснела, отвернувшись.

Уборщица выговорила ему за клавиатуру в губной помаде. Поцелуи на полутонах, два на октаву.

В коридоре я попытался навести ужас.

— Ты... ты в своем уме?

Смеёшься.

— Нет конечно.Отстань.

Поезд в Москву.

На вокзале Н. и мы — с чемоданами.

Международный конкурс, билеты, одно купе, три номера в гостинице.У тебя багаж, все эти платья. Ты ощутимо нервничаешь, хотя пытаешься не подавать виду.Честно говоря, я тоже.

Н. храпит на нижней полке, а мы лежим на верхних. В окне чёрная ночь, далёкие огни. Жёлтым тусклым светит коридор в открытую дверь.Ты листаешь ноты и играешь левой на краешке полки. У меня ноты на коленях, я играю в уме.И-

ногда мы переглядываемся.Я не заметил, как уснул.

Утро. Быстро собираемся, выходим из вагона.Н. курит на перроне, пока мы вытаскиваем вещи.Улыбается в усы, кашляет.

Сели в такси, номера на третьем этаже.Забавный балкончик с балясинами, на который не выйти — рамы глухие.Ты разложила платья на кровати, я даже не разбирал вещи, сразу пришёл к тебе.

Н. постучался, вошёл.

— Господа гении... Я не слепой и не глухой. Давайте так — сначала конкурс, а потом... Идёт?

Мы переглянулись. Ты улыбнулась, подошла к нему и обняла. Я тоже подошёл.

Н. был растроган.

Потянулись однообразные тяжёлые конкурсные дни.Подъём, репетиция, репетиция в зале.В работе Н. был привычно жёстким, никаких сантиментов.

Пока всё шло хорошо и у тебя, и у меня.Первый тур. Прошли. Почти идеально.

Что ничего не значит.

— «Почти» — это вылет. Надеюсь, ясно?

Н. нервно курил в вестибюле.Мы пили кофе и переглядывались.

Второй тур.

Утром у меня сводило ноги от напряжения. Контрастный душ, кофе, дыхательная гимнастика. Я готов.Перед выходом

Н. легко обнял меня за плечи.Всё получилось.И у тебя.

Вечером, сидя в кафешке в правом крыле гостиницы и уплетая выпечку, мы опять беззаботно смеялись.Н. что-то говорил быстро, и я не улавливал суть, но в принципе, о чём речь — завтра то, ради чего мы ехали сюда.Мы виделись с тобой только вечером, я заходил поцеловать тебя.

Финал.Финал!

Гала-концерт.Награждение.Воспоминания, как кадры фотоаппарата-мыльницы в руках ребёнка.

Вот светлый зал, аплодисменты, огромная люстра, софиты.В голове Бог знает что: страх шнуров под ногами,боязнь упасть,слепящий свет в глаза.Цветы в руках,все очень шумно..Я что-то говорю о музыке.

Награждение, калейдоскоп чужих лиц,пот на лбу,жар от софитов, фанфары — и почти сразу за тем пустой зал и пустая сцена, на которой блёстки и цветы везде.

Вдруг - тишина.Приглушенные разговоры.Ты в шикарном розовом платье, фотографируешься вместе с Н., зовёшь меня.Я пытаюсь соблюсти официоз ,хотя больше всего мне хочется сжать тебя в объятьях.

Компания весёлых оркестрантов в двух машинах, кафе, много шампанского, тосты, смех, потерявшийся ключ и сонные поцелуи на большой кровати в твоём номере.

Я проснулся лёжа ничком на твоём платье.Голова гудела, через штору пробивался свет узкой полоской.Ты спала рядом, свернувшись калачиком под одеялом.Пошарил в кар-

манах, нащупал ключ, поднёс к глазам — мой номер. Встал пошатываясь, налил стакан воды, выпил и тихонько вышел в коридор.Было рано, где-то восемь часов. Поезд в восемь вечера, надо отоспаться.Самый безопасный план.

Гран-при и первое.Ожидаемо — ты идеальна, ты совершенство.Я же просто ... музыкант.Спать, спать.

Вечером, около шести, мы с Н. спускали вещи к такси.Ты выглянула за дверь номера.

— Я сейчас, пятнадцать минут.

Пробки, вечерняя Москва, вокзал.Пятая платформа. Н. курит, улыбается.Мы занесли вещи в купе. Ты забыла что-то в аптеке.Через переход, на выходе аптечный киоск.Туда и назад — две минуты.Н. отпустил тебя.

Белое облачко волос в толпе — скрылась в переходе.

Ненавижу этот вечерний неоновый свет на вокзалах.

Мы стоим на ледяном скрипучем перроне с иголками-искрами льда,вокруг курят, смеются.Рядом резко грохочет сцепка.Грузовой на скорости проносится чёрной лентой, выбивая дробь шпалами.Почти физическая боль от гудка.Меня обдало приторно-тёплым ветром с колючей ледяной пылью.

Тянется время.Н. вопросительно смотрит на меня.

— Бегом, посмотри, где она.

Я несусь по переходу.Спрашиваю девушку в аптеке.Да, видела. Блондинка? Взяла щётку и пасту.

— Вы про девушку с военным?

Я сначала не услышал.Мне показалось, что это она ко-

му-то сказала.Не мне.

Зазвенело в ушах.Стало тихо. Все звуки исчезли.Вокруг беззвучно и быстро неслись плоские фигуры людей, как на экране.

— Прапор?

Слышу свой голос.Смешно.Поле чудес, угадай слово.

(Да, конечно, она звёзды разглядела, дурак…)

— Прапорщик…

Растерянно смотрит на меня.

(Разглядела.)

На ватных ногах я побежал в зал, к табло, лихорадочно соображая.Прямой на Красноярск в 22:30, значит… нет… с пересадкой… Куда… Челябинск, 21:40…

У меня десять минут.На вокзале я тебя не найду... не найду тебя.Десять минут.Вокруг идут люди, бесконечный поток, в бледном свете зала я всматриваюсь в толпу и не вижу. Ничего.

Я смотрю на часы и снова смотрю вокруг,оглядываюсь,ищу тебя взглядом.

Все...все.Время вышло.

Н. слушает меня,мой несвязный бред, и меняется в лице.Докуривает. Молчит. Думает.Смотрит на меня.

— Так, в купе, быстро. Едешь один. Не обсуждается. Я позвоню, и её родителям тоже. Вынеси мою сумку. Я в милицию. Как доедешь, позвони в училище и едь домой. Её вещи тоже домой. Я позвоню.

Свисток, отправление.Музыка... музыка... черт бы ее побрал.Н., как во сне, медленно и тяжело бежит по перрону в сторону перехода. Валит густой снег, фонари светят жёлтым сквозь снегопад.Я стою в коридоре, сжав в кулак занавеску и прижавшись лбом к стеклу.

— Молодой человек, проходите в купе, не стойте в проходе.

— Сейчас, сейчас…

Ты позвонила родителям через трое суток.

Н. приехал через неделю, худой, осунувшийся.Я попал с нервным срывом в диспансер.Академотпуск.А потом ушёл, с третьего курса.Н. плакал, когда я писал на отчисление.

Полка с твоими дипломами — там же. Гран-при — маленькая статуэтка — у родителей в селе с цветочным именем.

Два года на стройке. Мне спокойно, хорошо.

Ты писала письма о какой-то непонятной мне жизни: с охотой, рыбалкой, собаками, про гарнизон. У тебя девочка, ты счастливая мама.

Тебя можно было только любить.

Я знаю, ты написала Н. Просила прощения.

Мне не больно.

Тебя можно было только любить.

Я не знаю, зачем мне эта переписка.

Даже не знаю, что написать в ответ.

У меня в шкафу есть коробка. Большая, белая.

Я не доставал её с того года, когда всё случилось.
Там розовое концертное платье.

Авиакатастрофа

А-ля. Аль-ка. Два слога. Простая, как трава. Волосы — солома, серые глаза.

Смешная, любимая моя девонька. Царапавшая мне спину. Любившая легко, как дышала, смеялась, жила.

По длинному коридору больницы, куда тебя привезли в марте с разрезами на запястьях, ты ходила медленно, чуть выворачивая стопы, наклонив голову. Тебе одной разрешали мобилку, мою, под моим контролем. В полдень редко кто выходит в коридор — даже с акатизией спят после таблеток. Но у тебя возбуждение не снималось ничем, и, чтобы хоть как-то облегчить мучения, тебе разрешили бродить по длинной ковровой дорожке с мобилкой в руках.

Психушка — не страшное место, нет. Убежище на краю пропасти, тихий дом для тех, кто больше не может жить. Кто не может больше жить в реальном мире и ныряет головой вниз… в мир бредовых фантазий и болезни, или с крыши — в мартовский город, далеко внизу визжащий моторами, чернеющий грязными проталинами и режущий глаза углами многоэтажек. А здесь, среди обшарпанных стен, странных людей в байковых халатах, ты найдёшь покой.

Горит красная лампа в коридоре, дверь палаты открыта, стучит дождь в зарешеченные окна. Завтрак, синие таблетки, ходьба по коридору. Невозможно не двигаться — ина-

че будешь крутиться на простынях волчком, наматывая простыни на ноги. Прогулка — маленький больничный дворик в четыре стены, серое небо, верхушки тополей заглядывают в него, как великаны в тумане.

У нас таких девчонок много, и хорошо, что они оказываются здесь — вместо того чтобы появиться подснежниками где-то в забытых Богом местах в марте или пропасть в заброшках. Ты больше молчала, чем говорила, а если говорила, то быстро, проглатывая слова и с истеричной интонацией.

Анамнез. Институт, первый курс, развод родителей, огромный пустой дом на окраине города, заброшки, пустынные поля и холмы на десятки километров вокруг. Пьющий отец, пропадавший на недели из дома, четыре кошки, тёмная штора в комнате и кипы рисунков — ручкой, карандашом, клочки бумаги, записки на память. Пробовали ли ты дрянь — конечно; только тебе не понравилось, трип был необычно жёстким, ты выпала из жизни на неделю.

Что с тобой? В детстве никто не мог и заподозрить ничего плохого — училась ты хорошо, с другими ладила, но… Никто не замечал, что ты нарочно неряха, что ты бродишь одна по самым опасным местам в округе, что ты одета не по сезону. Что ты вдруг начинаешь говорить быстро-быстро, без всякого смысла, бывает, бесцельно бродишь по дому и часами не отвечаешь на вопросы.

Странности.

- "У нее такой характер".

Как-же, характер.

А иногда у тебя поднимается температура, появляются синяки под глазами, ты возбуждена и тяжело дышишь. Можно часами звать тебя по имени, но ты не реагируешь. Достаточно маленького испуга — и ты наглухо закрываешь двери,тебя не достать; ты срываешься на автоматические бессмысленные действия, часами повторяя их, чтобы успокоиться.

Ты сидишь напротив меня, мы пишем тесты, и вдруг мне становится отчаянно жаль тебя.

Что теперь, с такими вводными? Учёт, отчисление из института. Инвалидность? Нет… Но дома всё то же — пьющий отец и отчаяние, глухая тоска. И мечта уехать. Уехать навсегда. В Португалию… или Италию, ты мне рассказывала.

Нейролептики, корректоры. И, наверное, финлепсин… Сон, сон. Стоит немного снизить потенциал возбуждения — и ты станешь говорить спокойно, нормально мыслить. И ничто тебя не толкнёт в очередной приступ. А порезы на предплечье заживут. Купишь браслет.

От этого не умирают, девочка. Умирают в этом коридоре в тридцать шесть, с разводом и алиментами, с вечерней ноль пять беленькой и перспективой ходить в халате… в белом, до конца.

Неделя за неделей. Ты расчёсываешь волосы, ты смотришь спокойно, у тебя прекрасные серые глаза. А когда я взял тебя за руку, чтобы посмотреть на шрамы, ты не отдёрнула её, нет. Ты смутилась, отвела взгляд. И на щеке слегка

проступил румянец. Блондинки… их предаёт чувствительность рецепторов. Я всё понял.

Когда ты начинала мне что-то рассказывать в коридоре в полдень, что-то совершенно невразумительное, я знал, о чём ты говоришь. Показать мне сториз в телефоне, а потом легонько опереться на плечо, опустить голову так, чтобы волосы легли мне на руку, коснулись лица. Кто же устоит, милая. Через три дня мы были в ординаторской на ночной смене. Я отпустил сестричек домой… Нарушение, да.

Ты впивалась в меня всем существом, губами, руками, обнимала и сдавливала меня ногами, пила меня, как будто больше ничто тебя не могло спасти, словно я был водой в пустыне или последним шансом выжить. А я не знал, как дожить дни до следующего дежурства, считал часы до встречи с тобой.

Выписка. Мы встретились в городе, бродили по кафе, гуляли по набережной. А потом пили водку с шоколадом на роднике у собора. Красная площадь — её называли бомжи, красные крышечки от бутылок аптечного спирта были втоптаны в землю. Шоколад на губах, сладкая, сладкая девочка моя, бездонные серые глаза.Я взял отпуск, а потом уволился. Сдал квартиру в центре, мы оформили тебе академотпуск. Папаша твой пропил мозги окончательно, ему было всё равно, что подписывать… где ты и с кем, жива ли или тебя нет — ему уже всё - равно.

Аэропорт, рейс, регистрация. Португалия, впереди жар-

кое лето. Попрощайся с крохотным городком у моря. И мне здесь больше делать нечего. Жизнь в тридцать шесть или заканчивается, или начинается.

Браслет из лазурита на твоей левой руке. Самолёт с ревом мчит по полосе и отрывается от земли.

Ἀνάχρονος

Дом был спрятан в двух шагах от главных улиц — на холме, за высокими подпорными стенами, увитыми плющом. Он существовал только для тех, кто знал дорогу.

Рядом стоял трёхэтажный особняк с балконами во весь этаж; балконы выходили сразу и на мечеть, и на собор. Там жили сирийцы. Однажды, проснувшись от жаркого летнего солнца на широкой кровати, я услышал звон колокола на фоне арабского пения. Солнце нещадно палило с раннего утра, соседи жарили шашлыки. Место было в городе, но городу не принадлежало.

Трёхэтажный синий дом вы бы нашли легко. Тот, о котором я говорю, — никогда. Разве что поднялись бы однажды на холм в сумерках и, обходя лужи по краю улочки, вдруг очутились перед неосвещённой громадой стен. Тогда зажигался свет в маленькой башенке — как маяк на фоне тёмного квартала.

Хозяин был красив той дородной красотой, что достаётся богатым евреям. Жена его, блондинка с пышными формами, на людях появлялась редко. Они жили затворниками и знали немногих — такие же богатые семьи, столь же закрытые от мира. Говорили, он держит сеть ювелирных магазинов.

Кто там бывал, понимал, о каких деньгах говорит обстановка. И понимал другое: с головой у хозяина неблагополуч-

но. Дом был иррационален во всём — от расположения комнат до формы лестниц и окон. Безумие хозяина, переведённое в камень.

Вам открывают двери. Какую из трёх лестниц выберете?

Одна ведёт в полутёмную галерею. Кажется, что поднимаетесь, — а на деле это спуск, и ноги предательски скользят. Когда глаза привыкнут к полумраку, вы взглянете под ноги: там, в глубине, под стеклом, плещется вода. Своё, частное море — подсветка, рыбы. Почему нет?

Другая ведёт через всё более тесные комнаты в кладовую с полками: синий бархат стен, сувениры, старые кинокамеры, дорогой антиквариат. Жёлтая лампа потрескивает, свет ложится неровно — электрик недоглядел или так задумал хозяин? Он честно предупредил: в лабиринтах искать вас он не станет. Путешествуйте. Как вернуться к выходу — ваша забота.

Однажды поздней осенью нас позвали в гости. На дорогой бумаге было что-то о ветре и потоке. Каждому — свой музыкальный инструмент. Вино, дорогой стол, игра в китайских поэтов.

Вино, похоже, было раньше импровизации. Оттого и воспоминания смутны.

Вот оперная дива, яркая блондинка в красном, — поёт что-то страстное и неистовое, аккомпанируя себе на рояле. Я бы не прочь уединиться с ней, да рядом какой-то лысый страшный ухажёр.

Двое галантных парней с мутными красными глазами играют джаз.

Вот девушка на ступеньках — длинные чёрные волосы, еврейка, красивая, статная. Дочь друзей хозяйки, надо думать.

Вот и хозяин — красный костюм, золото. Совершенно безумный вид.

Мы много пили, читали стихи, играли музыку, потом танцевали. За полночь разбрелись по дому. Вряд ли всем удалось выбраться: кто-то уснул на полу, кто-то поймал такси по дороге.

Мы с подругой заблудились в коридорах окончательно. С бутылкой шампанского ввалились в огромную спальню с задрапированными картинами — и пропали на несколько часов.

К рассвету нас начинало знобить: дом не топили. Мы искали уборную, спустились по лестнице — и очутились в подвале. Прошли галерею с гигантским бассейном и вышли к небольшой двери; к ней вела узкая лестница. Переглянувшись, толкнули дверь — и замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.